

Этнокультурный фактор в фоноскопических лингвистических экспертизах

В статье автор проводит обработку начатой темы "Проблема проведения лингвокриминалистических экспертиз устной речи".

Базируясь на оригинальном моделировании Homo loquens как биосоциокогнитивной системы, автор рассматривает некоторые биологические (нейрофизиологические), социальные и когнитивные признаки этнокультурной принадлежности речевой индивидуальности.

Ключевые слова: лингвистическая криминология, языковая особенность, ментальность, этнокультурная принадлежность.

Язык — это форма, "дом", по словам Хайдеггера, или — если использовать современную научную метафору — матрица нашего бытия. Осознание возможности такого толкования предмета языкознания сформировалось не сразу, хотя наука о языке всегда преследовала две взаимосвязанные цели: 1) осознать сам принцип превращения внешнего и внутреннего мира в слова, а слов — в наши представления, знания и 2) научиться использовать язык для формирования, изменения сознания, общества и — наоборот, — опираясь на анализ речи, выявить суть человека, специфику социума.

Первая цель побуждала к развитию фундаментальную лингвистику, а вторая — прикладную.

Содержание прикладной лингвистики, таким образом, определяется осознанием потребностей общества в выполнении конкретных научных исследований и уровнем развития фундаментального языкознания.

Одно из актуальнейших направлений современных прикладных исследований — лингвистическая криминология, предметом которой стало изучение использования речевых технологий при совершении преступлений (в первую очередь, финансовых), а также разработка методик проведения различных судебных и оперативно-розыскных экспертиз.

Согласно Закону Украины "Про судову експертизу" (от 25 февраля 1994 года № 4038-XII), судебная экспертиза — это исследование экспертом на основе специальных знаний материальных объектов, явлений и процессов, которые содержат информацию об обстоятельствах дела, находящегося в производстве органов дознания, предварительного следствия или суда [см.: 29 : 42].

Оперативно-розыскные экспертизы связаны с работой несудебных органов, которым необходимо разыскать человека или предмет в связи с возникшей социальной необходимостью.

Знання specialistов-языковедов до недавнего времени требовались только при проведении криминалистических почерковедческих и автороведческих экспертиз [см.: 29 : 91]. Материалом при этом служили обычно письменные тексты.

Именно в рамках судебно-автороведческой экспертизы выделились три разновидности криминалистического анализа текста: *идентификация* — установление конкретного автора путем отождествления его с одним из подозреваемых или отрицание авторства текста подозреваемого лица; *классификация* — установление групповых характеристик личности создателя текста: пола, возраста, уровня образования, профессии, круга общения и т. п.; *диагностика* — выявление психического, эмоционального, физического состояния автора в момент написания текста.

Исследование аудиозаписей речи проводилось экспертами-фоноскопистами, специалистами по радиотехнике, акустике. Обусловлено такое состояние дел было, во-первых, ориентацией самого общества на печатно-письменную, а не на аудиально-визуальную культуру, а во-вторых, соответствующим уровнем развития теоретического языкознания. Долгое время лингвисты занимались изучением преимущественно нормативной письменной речи, в рамках которой и выявлялись разнообразие индивидуальные стилевые особенности.

Устная речь традиционно была в центре внимания диалектологов, позднее — специалистов по компьютерному анализу и синтезу речи, исследователей разговорной речи. В последнем случае вопрос о прикладном значении лингвистических работ вообще не возникал: главной задачей было выявление особенностей разговорной речи по сравнению с речью кодифицированной и обоснование изучения "живой речи" в рамках литературного языка. Лишь сравнительно недавно лингвисты обнаружили, что накопленные ими знания имеют не только теоретическое значение, но могут быть использованы с большой пользой для общества, помогая не только его развитию, но и его защите [см., например: 20; 21; 24].

К экспертизам устной речи в рамках фоноскопии стали привлекаться лингвисты. И совсем недавно в нашей стране произошло официальное разделение фоноскопии на специализированное техническое и лингвистическое изучение аудио и видеозаписей. Здесь необходимо, как представляется, отметить два момента. Первый, положительный, заключается в аналитико-синтетическом подходе к исследованию экспертных материалов, соединении и координации усилий инженеров-акустиков и языковедов-прикладников (в США, например, подобные экспертизы проводят специалисты-радиотехники, которые по необходимости изучают особенности лингвистического анализа, а в Польше — наоборот: ведущую роль играют языковеды, овладевшие знаниями в области акустики). Вторым, отрицательным, моментом можно считать разведение в экспертной деятельности лингвистического анализа письменных текстов (он остался в ведении почерковедения и автороведения) и анализа аудио- и аудиовидеозаписей устных дискурсов, который считается разновидностью фоноскопической экспертизы.

Хотя в последнее время специалисты-практики пришли к выводу, что комплексное исследование речевого акта — это фактически дискурсивный анализ, который учитывает особенности речи не только в гносеологическом поле уровневой модели языка, но и в плане языкового существования [см.: 10–12; 15]. Цель такого анализа — установить как постоянные личностные и общие (групповые) характеристики говорящего, так и его ситуационное состояние, поэтому экспертизу такого рода, скорее, можно квалифицировать как психолингвистическую, а не узко лингвистическую.

Анализ устного дискурса в целях проведения криминалистической экспертизы опирается на определенные теоретические положения. В отечественном языкознании обыкновенно используют теорию Ю. Н. Караулова [23], согласно которой в структуре каждой языковой личности можно обнаружить универсальный, групповой и индивидуальный слои [см.: 21].

Опыт работы лингвистом-экспертом показал, что данная модель оказывается наиболее действенной при пересечении ее с моделированием Homo loquens как биосоциокогнитивной системы [см.: 11; 12; 15]. Это дает возможность каждую из составляющих языковой личности рассмотреть системно и последовательно.

Данная статья продолжает начатую автором тему, касающуюся разработки комплексной методики дискурсивных (лингвистических vs психолингвистических) экспертиз, и затрагивает одну из мало-разработанных в этом плане проблем — проблему этнокультурной принадлежности говорящего.

Замечу, что проблема эта сложная. Перед экспертом часто ставят вопрос не об этнокультурной (национальной) принадлежности автора (в устной речи его традиционно называют диктором), а о месте формирования его речевых навыков. Представляется, однако, что если мы признаем язык именно "домом бытия", а не временным пристанищем, то где бы ни формировались речевые навыки, унаследованная от предков система стереотипов восприятия мира непременно должна отразиться в речевом поведении личности. Этническая идентичность обусловлена самоопределением личности, чувством родственности с какой-либо общностью и противопоставленностью другим культурным группам. Этнокультурная принадлежность — один из факторов формирования матрицы языковой личности. Причем этнокультурные и собственно языковые — кодовые — характеристики находятся в сложном взаимодействии.

Понятие *этнoсa* имеет много толкований. Главное, что отличает этнос от нации, — культурно-исторический, а не государственный принцип объединения людей. Люди, принадлежащие к одному и тому же этносу, могут говорить — формально — на разных языках, но они имеют общую историческую память, общие коллективные мифы, с одинаковой эмоциональностью воспринимают бессознательно или сознательно усвоенные ими обряды, привычки и т. д. [Подробнее см.: 15]. Следовательно, даже безукоризненное использование орфоэпических, лексических, синтаксических норм какого-либо языка вовсе не свидетельствует об этнокультурной принадлежности автора и не может служить основанием для прогноза его эмоционально окрашенных социальных предпочтений. Язык в данном случае выполняет функцию не столько средства общения, сколько роль символа сообщества. Человек может вырасти в чужой этнокультурной среде, но при этом сознательно акцентировать в себе те черты, которые характерны для той культуры, которую он считает своей. Таким образом, этнокультурная типология возможна только по отношению к сформированным личностям.

Проблема вероятностного прогнозирования поведения личности в связи с его ментальностью стала особенно актуальной в наши дни — в период возрастания миграции и сохранения русского языка как основного языка межнационального общения на большей части постсоветского пространства.

В фоноскопических лингвистических экспертизах классического образца при определении этнокультурной принадлежности диктора внимание, в первую очередь, обращалось на особенности произнесения отдельных звуков. Для русскоязычных жителей Украины, например, показателем принадлежности к украинской этнокультурной группе считалось произношение фриктивного "Г" и / или билабиального "В" [W]. Вместе с тем, на юге Украины для большинства жителей — даже исконно русских — характерна именно такая артикуляция. Следующим опорным моментом классификации диктора обычно было вкрапление в речь иноязычных лексических элементов (например, *кавун* вместо *арбуз*). Однако, во-первых, объем фонограммы и ее содержание чаще всего не дает возможности проявиться лексической интерференции. Во-вторых, инокодовые вкрапления в речи билингвов, как показали экспериментальные исследования Виктории Капустиной, могут свидетельствовать не об интерференции, а об интеркаляции (использовании номинаций из Я-2 — второго языка) [см.: 24]. И, в-третьих, при достаточно высоком уровне образованности диктора нормы литературного языка им, как правило, не нарушаются, а появление Г-фрикативного, варваризмов, экзотизмов, а также инвектив может быть обусловлено повышенной эмоциональной напряженностью говорящего.

Таким образом, только комплексный анализ **всех возможных** способов объективации этнокультурной принадлежности языковой личности может дать прочную основу и для классификационных, и для диагностических лингвистических экспертиз.

Предложенный нами ранее набор параметров анализа языковой личности (психофизиологических, социокультурных и когнитивных) в случае выявления этнокультурных констант подкрепляется теориями, устанавливающими факторы формирования и сохранения этнического единства. Наиболее известные в истории изучения ментальностей народов концепции — это концепция Ш. Монтескье, согласно которой специфика этноса определяется ландшафтом и климатическими условиями жизни, и концепция Д. Юма, связавшего ментальность этноса с социально-культурными условиями существования, историей народа, — были объединены в концепции Л. Н. Гумилева: этнос — это субстанция биосферы [22]. Следовательно, этническая принадлежность

проявляется в особенностях языкового существования, которое сложилось исторически под влиянием и физических, и социальных факторов и сохранилось как матрица в сознании современного человека. При этом некоторые черты, унаследованные от родителей, могут со временем нивелироваться, но полностью избавиться от них невозможно.

Рассматривая биологическую, или нейрофизиологическую составляющую этнокультурной характеристики, мы обращаем внимание на особенности артикуляционной базы, просодии и акцентуации правого или левого полушария головного мозга.

Уже давно методисты обратили внимание на то, что, переходя на иностранный язык, человек сохраняет особенности артикуляционной базы того языка, на котором он говорил в детстве. Для немцев, например, характерно повышенное мускульное напряжение речевого аппарата, а для англичан — расслабленное [см.: 27], этот же признак различает — соответственно — также украинскую и русскую артикуляционные базы.

Замечено, что довольно устойчивой к видоизменению оказывается форма языка. Во многих языках, например, при образовании [š] и [ž] кончик языка не загибается кверху, а средняя часть спинки языка не опускается, как в русской артикуляционной системе. Этот признак очень стойкий, неспециалистами воспринимается как мягкое, свистящее произношение, но при отсутствии органических дефектов может указывать на этнокультурную принадлежность, так как он сохраняется в семьях, даже перешедших на русский язык повседневного общения.

Примечательно, что, даже полностью усвоив артикуляционную базу чужого языка, сталкиваясь со словом, которое заимствовано из его родного языка, человек бессознательно придает речевым органам давно, казалось бы, забытую форму и использует артикуляционные движения родного (материнского) языка: испанец произнесет "коррида", украинец — "борщ", венгр — "Балатон" не так, как это произнесли бы русские. Знание этого факта представляется очень полезным при отборе образцов голоса.

Не менее стойкими характеристиками оказываются силлабическая структура слова и просодические характеристики. В тюркских языках, например, отсутствует сочетание нескольких согласных в начале слова, на стыке морфем или в абсолютном исходе слова, это приводит к появлению в русской речи представителей тюркских народов таких явлений, как апокопа (произношение, например, "радось" вместо "радость"), протеза ("ыстакан" — "стакан"), эпентеза ("разыбить" вместо "разбить") и пр.

Сложная вокалическая система материнского языка (наличие долгих и кратких гласных, дифтонгов, отсутствие нейтрализации, позиционная мена гласных и т. п.), музыкальность ударения связаны с повышенной акцентуацией правого полушария головного мозга, что, в свою очередь, проявляется в повышенной эмоциональности поведения.

Таким образом, нейрофизиологические характеристики лингвоментальности напрямую связаны с социальной спецификой коммуникации.

Этнокультурный фактор был включен в моделирование сценариев (скриптов) коммуникаций Анной Вежбицкой. По ее мнению, в различных обществах и социальных группах люди говорят по-разному, причем не только с точки зрения лексики и грамматики. Особенности речевого поведения образуют систему, но не бихевиористского толка. То, о чем и в каких ситуациях люди говорят, о чем они молчат, обусловлено глубокими различиями в иерархии ценностей различных культур [20 : 159–160].

Этнокультурная аксиосистема складывалась веками и нашла отражение и в когнитивной конденсации на уровне лексической системы, и на уровне объективации грамматических категорий, и на уровне разворачивания дискурса. Противники гипотезы лингвистической относительности и неогумбольдтианства (к которому вполне можно отнести и А. Вежбицкую), отстаивая единую, универсальную логическую основу всех языков, утверждали, что все люди способны воспринимать окружающие их предметы, свойства этих предметов и отношения между ними, несмотря на то, что в национальных языках есть огромные различия в системах вербализации мира.

Это действительно так. Но еще И. Кант, обратившись к описанию ментальностей различных народов, подчеркивал, что нельзя говорить о присутствии или отсутствии каких-либо черт национального характера: этнокультурная специфика моделирования мира заключается в гештальт-

ной аффектации некоторого общечеловеческого набора признаков, особой аксиосистеме идеального конструирования [23].

Ценностное акцентирование онтологических категорий проявляется во всех сферах языкового бытия.

Наиболее подробно описано закрепление мировидения путем лексикализации "пучка идей" (метафора Дж. Локка), которое, с одной стороны, обнаруживает избирательность этнокультурного сознания при выборе наименования, специфику метафорических связей между различными фрагментами мира, а с другой, — создает вербальные сети, с большей или меньшей детализацией конструирующие действительность [подробнее см.: 3].

И хотя сама по себе внутренняя форма слов отражает мировидение наших предков, а не лингвоментальность современного человека, плотность, степень частоты сетей референциальных стереотипов родного (материнского) языка задает "шаг" расчленения воспринимаемого мира и может проявляться в семантической сверхдифференциации, недодифференциации, субституции при разговоре на чужом языке, даже при высокой степени владения им. Так, например, американец может назвать арбуз дыней, потому что в родном языке это сущности одного порядка (*melon, water melon*), болгарин и крыжовник, и смородину определит как вариант винограда (*грозде, цариградско грозде, френско грозде*), а русский не увидит существенной разницы между *watch* и *clock*. В нашем материале есть интереснейшие случаи переноса метафорических механизмов из родного в неродной язык: словак, например, назвал косынку галстуком, так как в словацком языке пионерский галстук относится к категории не галстуков, а косынок.

Эта особенность мировосприятия, обусловленная частотой референциальных сетей, может быть обнаружена, если при отборе образцов голоса для проведения криминалистических экспертиз испытуемым давать для описания одну и ту же репродукцию картины, желательно жанрового содержания.

Опора на реально воспринимаемый фиксированный референт дает возможность и для выявления этнокультурных особенностей разворачивания монологического дискурса. Современные экспериментальные исследования в области когнитивной дискурсологии дают основание выделить три аспекта, в которых можно проводить контрастивный анализ. Первый аспект описан научным коллективом под руководством У. Чейфа. Как удалось установить, представители разных этнокультурных групп по-разному рассматривают картину (или фильм, или статичный фрагмент актуальной действительности), в различной последовательности фиксируя взгляд, сканируя различные опорные точки и различные пласты ситуации (при восприятии художественного сообщения американцы, например, описывают его, преимущественно, как артефакт, а греки — как отражение реального события).

Проводимые нами эксперименты с информантами, которые идентифицировали себя как русские, украинцы, болгары и словаки, показали, что для носителей русской ментальности, в частности, важно видение перспективы, включенности данной конкретной ситуации в более общую, абстрактную. Украинцы в большинстве своем рассматривали и описывали предлагаемую репродукцию (вид из окна и т. п.) последовательно (слева — справа, впереди — вдали, вверху — внизу). Болгарских информантов в большей степени интересовал передний план, предметы домашнего обихода, которые каким-либо образом ассоциативно соотносились с бытом самого информанта. Словаки тяготели к речевой рефлексии: называя предмет или его свойство, стремились сопроводить идентификацию комментарием, почему они называют это именно так [подробнее см.: 2; 6; 10].

Второй аспект лингвоментального акцентирования при разворачивании монолога связан с особенностями интрадискурса — последовательности фраз и логической связи между ними в рамках законченного повествования. Экспериментальные исследования Уллы Коннор показали, что наличие отступлений от основной темы, проведение логических ассоциативных параллелей, разного рода повторы могут служить основой для определения этнокультурной принадлежности автора [33].

Третий аспект когнитивного анализа связного текста связан с предрасположенностью носителей той или иной ментальности фокусировать сознание на одной из основных онтологических категорий — *вещах, свойствах или отношениях* [10–13], а также профилировать ситуацию

с опорой на ключевые концепты (ключевые слова). "Ключевые слова", — по определению А. Вежбицкой, — это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры" [19 : 35]. Их значимость отражается не только в повышенной частотности употребления слов с определенной семантикой, не только находится в центре целого фразеологического семейства, но и определяет специфику сценариев коммуникации, т.е. определяют социальное поведение человека. Так, например, высокая частотность слов "дурак", "глупый", "идиот" в русских текстах, в 4–5 раз превышающая частотность употребления аналогичных слов в английском языке, указывает, в частности, на то, что "русская культура поощряет "прямые", резкие, безоговорочные оценочные суждения, а англосаксонская — нет" [19 : 32]. Многие из того, что в одних культурах воспринимается как нормальное, соответствующее нормам этикета, в других выглядит как грубое, оскорбительное, хотя при этом не нарушаются никакие лексические и синтаксические нормы [см.: 17; 20].

По наблюдениям многих иностранцев, представители русской культуры считают обязательным в процессе общения заботиться об окружающих, но при этом воспитывать и критиковать их. Вполне возможно, что эта черта характерна и для других представителей постсоветского общества, но именно в русском коммуникативном поведении категория вежливости выступает как "вежливость сохранения солидарности", а не как "вежливость сохранения дистанции", характерная для западноевропейских сценариев общения [29: 27].

Таким образом, при проведении экспертиз, анализ образцов собственно монологических высказываний необходимо дополнять анализом пересказа беседы с другом или просто знакомым или непосредственной беседы подозреваемого с экспертом (как показывает опыт, беседа со следователем, при всей ее видимой доброжелательности, очень редко дает возможность выявить этнокультурную акцентуацию из-за повышенной эмоциональной напряженности допрашиваемого).

Подводя основные итоги, считаю необходимым отметить чрезвычайную важность комплексного, многоаспектного исследования речи при проведении экспертиз, а также насущную потребность изучения особенностей языкового существования представителей всех этнических групп, проживающих на территории Украины.

1. Бардина Н. В. Процесс порождения спонтанного монолога на русском языке в сопоставлении со словацким // Universitas Comeniana. Philologica XLII. — Bratislava: Univerzita Komenského, 1995. — С. 141—146
2. Бардина Н. В. К построению формулы лингвоментальности // Слов'янський збірник. — Вип. 1. — Одесса, 1996. — С. 17—24.
3. Бардина Н. В. Когнитивная конденсация как принцип этнолингвального варьирования // Слов'янський збірник. — Вип. III. — Одесса, 1998. — С. 8—14.
4. Бардина Н. В. Проблема диалектичности словацкого мировидения и релятивизм словацкого дискурса // Матеріали міжнародної славістичної конференції пам'яті професора Костянтина Трофимовича. — Т. 1. — Львів, 1998. — С. 282—287.
5. Бардина Н. В. Антропоцентрический подход в сопоставительных исследованиях // Porovnavací opis statiky a dynamiky súčasného ruského jazyka z teoretického a praktického hľadiska. — Bratislava, 1998. — S. 27—33.
6. Бардина Н. В., Колесник В. А. О лингвоментальности болгар Одесского региона // Болгарский ежегодник. — К., 1998. — Т. III. — С. 127—145.
7. Бардина Н. В., Шима П. Вербально-когнитивный конденсат mat в системе словацкой лингвоментальности // Слов'янський збірник. — Вип. V. — Одесса, 1998. — С. 28—36.
8. Бардина Н. В. Концепт tparnu в системе словацкой лингвоментальности // Слов'янський збірник. — Одесса, 2000. — Вип. VII.
9. Бардина Н. В. Проблема неагентивности русской лингвоментальности: функционирование когнитивно-безличных предположений в различных стилевых сферах // Актуальні проблеми менталінгвістики: Науковий збірник. — Київ-Черкаси, 1999. — С. 85—90.
10. Бардина Н. В. Дискурсивные стратегии как лингвоментальные константы // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации в новых геополитических условиях: Материалы международной научно-практической конференции. — Тирасполь, — 2002. — С. 309—311.
11. Бардина Н. В. Системный антропоцентрический подход к проведению лингвистических экспертиз // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики. — Вип. 2. Збірник матеріалів міжнародної науково-практичної конференції. М. Харків, 19—20 червня 2002 р. — Харків, 2002. — С. 217—221.
12. Бардина Н. В. Проблема системности дискурсивного анализа в лингвистических идентификационных экспертизах устной речи // "Роль и значение деятельности профессора Р. С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики": Материалы международной научной конференции. — М., 2002. — С. 411—416.
13. Бардина Н. В., Ковалевська Т. Ю. Взаємодія категорій "властивість" і "відношення" в системі української лінгвоментальності // Мовознавство. Доповіді та повідомлення на IV Міжнародному конгресі українців. — К., 2002. — С. 163—169.

14. Бардина Н. В. Методологические проблемы моделирования "языкового кинематографа" // Наукове видання "Мова і культура". — Вип. 5, том II/2 — К., 2002.
15. Бардина Н. В. Мова як ознака нації: три вири проблеми // Записки з загальної лінгвістики. Вип. 5. Мова та національна свідомість. — Одеса, 2002. — С. 7—19.
16. Бардина Н. В. Дискурсивный анализ в лингвистических экспертизах (у друку).
17. Везжицкая А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания. — М., 1990. — С. 63—85.
18. Везжицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1997.
19. Везжицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М., 2001.
20. Везжицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М., 2001.
21. Гумилев Л. Этнос: Мифы и реальность // Дружба народов. — 1988. — № 10. — С. 218—231.
22. Златоустова Л. В. Универсальное, групповое и индивидуальное в речи (лингвокриминалистический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы международного конгресса. — М., 2001. — С. 406.
23. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант. Собр.соч. — Т. 6. — М., 1966.
24. Капустина В. Интерференция и интеркаляция в речи русско-немецких билингвов // Слов'янський збірник. — Одеса, 2002. — Вип. IX.
25. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
26. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая личность в аспекте проблем судебной экспертизы устной речи // Язык и личность. — М., 1989. — С. 132—143.
27. Оливерус Зденек Ф. Фонетика русского языка. — Прага, 1974.
28. С. М. Потапов — основоположник теории криминалистической идентификации. — Харьков, 2002.
29. Райтмар Р. Прагматика извинения. — М., 2003.
30. Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. — М., 2001.
31. Судово-експертна діяльність. Довідник для суддів. — К., 2001.
32. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М., 2002.
33. Connor Ulla. Cross-cultural aspects of second-language writing. — Cambridge: University Press, 1997. — P. 16.

Н. В. Бардина

ЕТНОКУЛЬТУРНИЙ ЧИННИК У ФОНОСКОПІЧНИХ ЛІНГВІСТИЧНИХ ЕКСПЕРТИЗАХ

У статті авторка продовжує опрацювання розпочатої теми "Проблема проведення лінгвокриміналістичних експертиз усного мовлення".

Базуючись на оригінальному моделюванні *Homo loquens* як біосоціокогнітивної системи, авторка розглядає деякі біологічні (нейрофізіологічні), соціальні та когнітивні ознаки етнокультурної приналежності мовної особистості.

Ключові слова: лінгвістична кримінологія, мовна особистість, ментальність, етнокультурна приналежність.

N. V. Bardina

THE ETHNOCULTURAL FACTORS IN PHONOSCOPE LINGUISTIC EXAMINATION

In this article the author goes on to work out the theme "The problem of carrying out of criminality examinations in oral speech".

The author considers the biological (neurofisiological), social and cognitive features of belonging to ethnos, basing on the original modeling of *Homo loquens* as biosociocognitive system.

Keywords: linguistic criminology, language person, mentality, ethnocultural belonging.